

Крылов Виктор Александрович

Для сцены. Сборник пьес

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Александрович К.**
Для сцены. Сборник пьес: Том 2 / Крылов Виктор Александрович – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 90 с.

ISBN 978-5-519-91354-6

ISBN 978-5-519-91354-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Небольшая комната, вся заставленная шкапами. — Слева дверь — справа сундуки, на которых навалена всякая старая мебель, большею частью поломанная и видимо ожидающая починки, и другой хламъ. — Все это сложено нарочно къ сторонѣ, чтобы опростать мѣсто, гдѣ поставленъ простой столъ и стулъ.

Дядька Семень Захарычъ отворяетъ дверь и вноситъ чернильницу и перья, которыя кладетъ на столъ, — за нимъ появляется Тото Кудриковъ, онъ въ ботинкахъ, въ шароварахъ по колѣна и курточкѣ, свободно накиннутой на жилетъ*), — въ рукахъ у него тетрадь, перо и книга; появившись у двери, онъ внезапно останавливается.

Семень. Пожалуйте! что вы стали?.. пожалуйста, войдите...

Тото. Что такое? какой же это карцеръ? развѣ я сломанное кресло, что меня хотятъ тутъ запереть со всякой дрянью?..

Семень. Ну, ну, ладно, будетъ съ васъ и этого... У насъ не казенное заведеніе, а частный пансіонъ.

Тото. Какое мнѣ дѣло!!.. меня хотятъ посадить въ карцеръ, меня отправляютъ подъ арестъ, это мнѣ все равно... только для этого дайте мнѣ чистую, хорошую комнату, — а это чортъ знаетъ что такое!...

*) Впрочемъ костюмъ Тото произвольный, такъ какъ дѣйствіе происходитъ въ частномъ пансіонѣ.

Семенъ. Куда мнѣ приказано васъ посадить, туда я и сажаю... что тутъ еще разговаривать!—пожалуйте...

Тото. Позовите директора, пускай онъ посмотреть... развѣ это карцеръ?—я сюда не пойду.

Семенъ. Извольте идти, некогда мнѣ тутъ съ вами...

Тото. Не пойду.

Семенъ. Анъ пойдете.

Тото. Ни за что.

Семенъ. А вотъ увидимъ.

Затѣвается борьба, во время которой Тото кричитъ: «это насиліе, вы не смѣете такъ обращаться!.. оставьте меня!»... Семенъ все таки его втаскиваетъ въ комнату. Семенъ тащитъ его за плечи, (Тото въ это время топаетъ ногами), сажаетъ за столъ и самъ отходить къ двери; Тото тотчасъ вскакиваетъ.

Тото. Какъ вы смѣете такъ обращаться!?. вы не имѣете права такъ обращаться!!..

Приводитъ въ порядокъ свой костюмъ: застегиваетъ разстегнувшійся жилетъ, завязываетъ галстухъ.

Семенъ. Этакій... сорви голова; право сорви голова (Про себя). А ужъ какъ я этихъ пострѣлять люблю... ей Богу... ишь ты разгорѣлся весь!!.. (Громко). Вона! и пуговицу вырвалъ... ахъ ты разгромъ Ерофеичъ!

Тото. (Кипятясь все больше и больше.). Очѣнь жалѣю, что я вамъ еще голову не оторвалъ... Здѣсь не казарма, что вы позволяете себѣ такъ обращаться... я буду жаловаться директору, я этого такъ ни за что не оставлю!

Семенъ. Ну, ну, хорошо...

Тото. Послѣ этого еще вы пожалуй и бить меня станете...

Семенъ. (Поддразнивая его). А и ударю! что съ меня возьмешь?..

Тото. Вы не смѣете. (отвѣтъ)

Семенъ. И не смѣю,—а вотъ взялъ да ударилъ.

Тото. Ну-ка, попробуйте.

Семенъ. А что-жъ не попробовать!?!.. вотъ и тебѣ—бацъ!

(Ударяетъ его по плечу.)

Тото. (Въ крайнемъ негодованіи). А!! вы такъ то?.. а знаете ли вы, это тѣлесныя наказанія запрещены?!.. тѣлесныя наказанія запрещены, чортъ васъ возьми совсѣмъ!!!..

(Налетаетъ на Семена и бьетъ его въ спину кулакомъ.)

Семенъ. (Полусмѣясь). Ну, ну, будетъ!!.. будетъ что ли!...

Тото. (Отходя отъ него, запыхавшись). Тѣлесныя наказанія запрещены, а вы себѣ позволяете...

Семенъ. (У двери). Ишь ты, право, буянъ какой!—настоящій соврасъ безъ ѣзды... Садитесь-ка лучше, не спорте; дѣло-то лучше будетъ.

(Выходитъ и запираетъ за собой дверь.)

Тото. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается). Ушелъ и заперъ... Вотъ вамъ мудрыя распоряженія нашего директора!.. меня сажаютъ въ карцеръ, подѣ арестъ... я васъ спрашиваю, что такое арестъ?!—это есть наказаніе лишеніемъ свободы!—ну, запри меня въ приличную

комнату, я нигуда не уйду... а меня запираютъ въ какой-то хлѣвъ, въ компаніи со старой, переломанной мебелью... тутъ ужъ не одно лишеніе свободы, тутъ оскорбленіе... наконецъ посылаютъ меня сюда съ какимъ то салдафономъ, съ какимъ то бурбономъ армейскимъ, который толкается, насильно втаскиваетъ сюда, дерется... вѣдь это кулачное право!!... вѣдь это мы возвращаемся ко временамъ Атиллы и Θεодорика... какое же это девятнадцатое столѣтіе? это Богъ знаетъ до чего мы дожили!!... Ну посмотрите, ради Бога,—какія-то корзины со всякимъ старымъ хламомъ... (Вытаскиваетъ старыя ботинки). Старыя ботинки директорши.. тряпки какія-то... кринолинъ... тѣфу! какая гадость!!.. (Опрокидываетъ корзину, изъ которой вываливается всякій хламъ). Ба! еще корзина... да тутъ какія-то бумаги! вотъ это интересно... можетъ быть я тутъ открою какую нибудь тайну на счетъ директора или... (Смотритъ). *Ce cahier appartient à Nicolas Kolpakoff...* *ex temporalis!!..* (Кидаетъ тетрадки черезъ голову). Чортъ васъ возьми!—какія-то старыя тетрадки нашихъ учениковъ, вокабулы, диктовка... (Раскидываетъ тетрадки по полу). Это что за свертокъ? (Развертываетъ свертокъ). Старыя ученическіе рисунки... и какъ скверно сдѣлано... Смотрите: голова Юноны съ бакенбардами... это что?.. два гладіатора борятся... опять два гладіатора... еще два гладіатора... Господи, сколько гладіаторовъ... это, я вамъ скажу, самый любимый рисунокъ нашего учителя рисованія; тутъ, по его мнѣнію, обрисовываются какіе-то античныя мускулы.. ничего я тутъ хорошаго не вижу. (Развертываетъ и расправляетъ одинъ

изъ рисунковъ и привѣшиваетъ его къ шкафу, прищепивъ сверху въ щель дверцы.) Просто какіе-то два дурака дерутся. (Беретъ перо и какъ кистью намазываетъ надпись: два дурака дерутся, а третій смотритъ). Однако въ этомъ хламѣ должно быть мало интереснаго. (Подходитъ къ окну). И окно какое-то небывалое... маленькое, все сразу отворяется... (Отворяетъ окно). Тсс!!.. кажется, идутъ...

Становится передъ шкафомъ. Дверь отворяется, входитъ Семень.

Семень. Зачѣмъ это вы окно отворяете? кто вамъ позволилъ?... охъ! баринъ, баринъ, ладу съ тобой нѣтъ... господинъ Кудриковъ!.. фу ты, куда онъ тутъ спрятался?!.. Ахъ ты соврасъ безпардонный.. ишь какой Садомъ Гаморъ надѣлалъ здѣсь, всѣ бумаги раскидалъ... Господинъ Кудриковъ!! да вы не извольте прятаться... я сейчасъ дилехтора позову... (Ищетъ Тото по комнатѣ, но тотъ прячется, обходя тайкомъ шкафъ). Святители небесные! да никакъ онъ въ окно прыгнулъ... вѣдь отъ этакого все станется... охъ батюшки... (Глядитъ въ окно). Нѣтъ здѣсь бы расшибся; четвертый этажъ; и ухватиться не за что... Да гдѣ-жъ ты, сорви голова?.. куда запропастился?.. (Идетъ и видитъ рисунокъ.). Ишь леменацію какую выдумалъ, картины развѣшивать. (Читаетъ). «Два дурака дерутся, а третій смотритъ... гм... гдѣ жъ это третій-то?.. третьяго то нѣтъ...

Тото. (Выглядывая изъ за шкафа). Третій-то дуракъ вы, дяденька... Третій смотритъ, а вы смотрите... вы.

Семень. Ты что жъ это?—шутить со мной сталъ?..

Тото. (Выходя). Во первыхъ не извольте мнѣ гово-

рить ты... Я вамъ не сынъ, не братъ; я вамъ говорю вы, такъ и вы должны мнѣ говорить вы.

Семенъ. Стану я разбирать, какъ же!.. а вотъ про это я дилехтору скажу, что всѣ бѹмаги по комнатѣ раскидалъ.

Собираетъ хламъ опять въ корзины.

Тото. Вольно же меня сажать сюда... Мнѣ нужно было ходить по комнатѣ; я задѣлъ и опрокинулъ... я не виноватъ.

Семенъ. Ты соврасъ безъ узды — вотъ ты что!..

Затворяетъ окно.

Тото. Если вы смѣете такъ говорить, я не буду васъ слушать...

Садится за столъ, затыкаетъ уши и читаетъ.

Семенъ. (Подбирая оставшійся хламъ). Срамникъ, до чего дожилъ: наказывать стали, въ карцеръ заперли.

Тото. (Отрывисто и криливо). Не мѣшайте мнѣ учиться!

Прицѣпляетъ къ пуговицѣ на спинѣ сюртука Семена длинный бумажный хвостъ.

Семенъ. Было бы тебѣ сказано: коли ты тутъ еще у меня безпорядокъ затѣешь, я дилехтору безпремѣнно скажу... не на три часа, а весь децъ тебя здѣсь продержатъ...

Тото. (Такъ же). Не мѣшайте мнѣ учиться!..

Семенъ уходитъ, волоча за собой длинный бумажный хвостъ. Когда дверь заперлась, Тото снова переминаетъ позу.

Тото. Срамникъ!! Въ карцеръ заперли! велика важ-

ность... многихъ великихъ людей сажали въ тюрьму... дѣло въ томъ: за что?.. Галилея тоже посадили въ тюрьму за то, что онъ первый сталъ доказывать, что земля вертится около своей оси; а теперь никто объ этомъ и спорить не станетъ... Такъ и меня... Меня посадили въ карцеръ за то, что я въ прошлое воскресенье ходилъ къ кокеткѣ... Что это значить, кокетка, я, по правдѣ то, самъ хорошенько не знаю... говорятъ, что это какія то скверныя женщины... но вѣдь въ чемъ весь вопросъ: зачѣмъ я пошелъ къ этой кокеткѣ?... Ахъ Господи, признаться, я женщинъ терпѣть не могу и не понимаю, что въ нихъ находятъ хорошаго. Возьмите всѣхъ дѣвочекъ, съ которыми мнѣ приходилось играть; непремѣнно или плакса или нюня... чуть ее толкнешь какъ нибудь неловко, или съ ногъ сшибешь, сейчасъ поднимается ревъ ...ну да дѣло не въ томъ... зачѣмъ я пошелъ къ кокеткѣ?... еслибъ это знали,—такъ меня не только бы не наказали, но, напротивъ, наградили бы... я пошелъ, чтобы осушить слезы страдальцы, моей крестненькой... Слушайте. Я вамъ откровенно расскажу, какъ все дѣло было. Я сирота; у меня нѣтъ ни папаша, ни мамаша, и до сихъ поръ я жилъ и учился у бабушки, въ Саратовѣ. Но у меня есть крестная мамаша, генеральша Андреева... ея мужъ только, знаете, этакій—статскій генералъ... Вотъ меня въ Августѣ и привезли къ крестной мамашѣ, чтобъ она меня куда нибудь помѣстила въ пансіонъ. У ней дѣтей нѣтъ, она мнѣ ужасно обрадовалась, приласкала... и генералъ тоже: велѣлъ, чтобы я его называлъ папашей... Недѣли три

тому назадъ крестная и помѣстила меня сюда, въ пансіонъ; а по воскресеньямъ я къ ней хожу, въ отпускъ... и еслибъ вы знали какая она добрая, какъ меня любитъ, какъ заботится обо мнѣ!—ну да ужъ и я ее люблю больше всѣхъ на свѣтѣ... И какая она красавица, и какая была веселая, когда я только что пріѣхалъ, какъ смѣялась со мной! возила меня по дачамъ, играла мнѣ на фортепьяно... Вдругъ!... въ первый же день, когда я пришелъ къ ней въ отпускъ, въ воскресенье, я ее не узналъ... она едва обратила на меня вниманіе,—грустная стала, задумчивая... мнѣ не хотѣлось ее еще больше огорчать и я сталъ разспрашивать моего названнаго папеньку: что съ крестной?... не больна ли она? не сердится ли на меня?... Папенька мнѣ на это отвѣчалъ только: «отстань пожалуйста, и не суйся не въ свое дѣло».

Дѣлать было нечего, такъ я въ тотъ вечеръ и не узналъ, отчего моя крестная грустна... (Прислушивается). тсс... опять этотъ старый дуракъ идетъ...

Шумъ отпираемаго замка. Тотъ быстро садится за столъ и громко долбить стихи.

«О чемъ шумите вы, народныя витіи... народныя витіи, витіи... Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи... Зачѣмъ анаемой... анаемой... анаемой... анаемой...

Въ это время входитъ Семенъ и беретъ бюстъ Юноны.

Семенъ. (Ворчливо). Убрать отъ тебя лучше, отъ грѣха... а то ты пожалуй еще этой царицѣ усы выведешь чернилами...

Семенъ уходитъ и запираетъ дверь.

Тото. (Громко). «О чемъ шумите вы... шумите вы... народныя витіи... Зачѣмъ анаѣемой грозите вы Россіи... Зачѣмъ анаѣемой... анаѣемой... (Крадется къ двери, причѣмъ голосъ его дѣлается тише). Грозите вы Россіи... грозите вы... (Ему внезапно кажется, что опять идти, и онъ снова громко декламируетъ). Зачѣмъ анаѣемой грозите вы Россіи... Зачѣмъ... Зачѣмъ анаѣемой грозите вы... (Голосъ опять зампраетъ, Тото оглядываясь на дверь, подходитъ къ аван-сценѣ). Грозите вы Россіи... О чемъ шумите вы... Зачѣмъ грозите... вы... Россіи... (Продолжаетъ разсказъ обыкновеннымъ голосомъ). Четыре дня спустя, это было въ четвергъ, насъ повели гулять въ лѣтній садъ... Тамъ, во второй широкой аллеѣ, мы уже расположились играть въ пятнашки и стали въ кружокъ; но тутъ въ самую средину кружка вбѣгаетъ маленькая рыженькая собачка и начинаетъ на насъ лаять... «А! вотъ кто у насъ будетъ пятнашка!» закричалъ Ивановъ—и мы всѣ набросились на собаченку. «Лови, пятнашка! лови скорѣй!!.» Собачка испугалась, кинулась было бѣжать; не тутъ-то было: мы тѣсно обступили ее и давай травить... кто кричитъ: усь, усь!!.. кто дергаетъ за хвостъ... а Котомкимъ, отчаянный мальчишка!—повалился на землю, схватилъ собачку за голову и давай ее заставлятъ плясать на заднихъ лапкахъ, приговаривая:

Сударыня попляши!

Твои ножки хороши!

Носъ крючкомъ,

Голова стрючкомъ...

Собаченка огрызалась и визжала, какъ сумасшедшая;

миѢ стало ее жаль и я ужѢ хотѢлъ освободить ее, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, налетаетъ на насъ какая-то женщина, набѢленная, накрашенная, платье желтое, зонтикъ желтый, волосы желтые,—вся подѢ цвѢтъ собаченки... Сразу дала она пощечину Котомкину, вырвала собаченку и крикнувъ намъ... позволѢте, какъ она крикнула да, она сказала по французски: «*Qu' est ce qui ma fichu des srapauds comme ça!*» Мы все такъ и опѢшили... потомъ опомнившись хотѢли броситься на нее, подняли гвалтъ, свистъ, лай... Котомкинъ уже схватилъ два камня, чтобы пустить ихъ въ догонку своей обидчицы, но гувернеръ нашъ замѢтилъ весь скандалъ, построилъ насъ попарно и погналъ домой. (Садится на столъ). Тутъ вечеркомъ, послѢ классовъ, первымъ дѢломъ мы стали объяснять себѢ, что такое намъ сказала эта желтая француженка?... но никто не могъ перевести: *qui ma fichu des srapauds*... стали искать въ лексиконѢ Рейфа: *fichu*—косынка; *srapaud*—жаба... вышелъ какой-то вздоръ... хотѢли было спросить у французскаго учителя, но стало совѣстно, что онъ узнаетъ, какъ насъ выбрали... главное-то было понятно: насъ выбрали жабами и еще чѢмъ-то, — можетъ быть гораздо хуже. и единогласно было рѢшено отмстить этой женщинѢ... Но какъ?... Тогда фертикъ это у насъ есть такой ученикъ, Сумецкій, ужасный франтъ и коверкалка — мы его за то и прозвали: фертикъ... ну-съ, такъ фертикъ говоритъ: ничего вы тутъ безъ меня не сдѢлаете, вы никто ее не знаете, а я знаю; я нѢсколько разъ встрѣчалъ съ ней моего пріятеля,